
ТЕОРИЯ

Л. Е. ГРИНИН

РЕКОНФИГУРАЦИЯ МИРА, ИЛИ НАСТУПАЮЩАЯ ЭПОХА НОВЫХ КОАЛИЦИЙ (возможные сценарии ближайшего будущего)

В статье анализируются условия возможных трансформаций мировой системы и вероятность различных глобальных сценариев ее ближайшего будущего; дается характеристика грядущей «эпохи новых коалиций»; делаются некоторые футурологические прогнозы. Среди проблем, анализируемых в статье, следующие: что означает экономическое ослабление США как центра Мир-Системы; появится ли лидер в будущей Мир-Системе; возникнет ли дефицит глобального управления и усилятся ли фрагментация мира?

Ключевые слова: Арабская весна, революция, Мир-Система, лидер Мир-Системы, китайская модель, трансформация суверенитета, эпоха новых коалиций.

Арабские революции как предвестник реконфигурации мира

Арабский мир и в целом Ближний Восток и Северная Африка воспринимаются как зона нестабильности, где всегда могут возникнуть войны, кровавые конфликты и другие потрясения. В этом плане революции и народные волнения 2010–2012 гг., в целом получившие название Арабской весны, вполне вписываются в историю бурных событий этого региона. Волнения и протесты затронули более десятка арабских стран, включая государства Залива, при этом крупномасштабные волнения и революции происходили и происходят по меньшей мере в пяти странах (Тунисе, Египте, Си-

рии, Йемене и Бахрейне), а в Ливии привели к свержению режима и гражданской войне.

В 2009–2010 гг. мы высказывали предположение, что в ближайшее время «международная система начнет трансформироваться быстрее и значительнее. Следовательно, мы входим в период поиска новых структурных и системных решений в рамках Мир-Системы, а это означает в ближайшем будущем достаточно сложный период. Выработка и упрочение модели нового политического порядка в рамках Мир-Системы будут трудным, длительным, а также относительно конфликтным процессом». При этом можно ожидать, что формы реализации этих изменений в мире могут быть самыми разными: от незаметных до внезапных (Гринин 2009в: 135; см. также: Grinin, Korotayev 2010b).

Исходя из этого подхода и прогноза, я пришел к выводу, что бурные события конца 2010–2011 г. в арабском мире, включая революции и волнения, казалось бы, в относительно благополучных и динамично развивающихся Египте и Тунисе, богатых Бахрейне и Омане, являются предвестником или началом структурных изменений в мире. Даже более того, **началом реконфигурации мира**. В отношении революций в арабском мире можно указать целый комплекс причин, причем как объективных и глобальных, так и случайных. С одной стороны, несомненна роль глобального кризиса (о влиянии кризиса на грядущие изменения в мире см.: Гринин 2009в; 2012; Grinin, Korotayev 2010a; Гринин, Коротаев 2012; см. также: Кудрин 2009). При этом он также «ответственен» за синхронное возникновение политического кризиса во многих странах; особую роль сыграло то, что теперь модно называть агфляцией. В самом деле, еще до начала кризиса беспрецедентно высокие цены на продовольствие породили волнения в некоторых арабских странах (и не только в них). Однако в 2009 г. в связи с общим падением цен на многие активы также «сдулся» пузырь цен на продовольствие. В результате возникла парадоксальная ситуация. Число живущих за чертой бедности в том же Египте, несмотря на бушующий кризис, заметно уменьшилось. Между тем в 2010 г. в связи с неурожаями в целом ряде стран в разных частях мира, а также новым «надуванием» пузырей и разгоном спекуляции агфляция усилилась. В результате число живущих за чертой бедности быстро выросло. И это наряду

с другими острыми проблемами (безработицей, особенно среди молодежи, недовольством разгулом коррупции, сильным неравенством и т. п.) и большой ролью радикальных элементов и движений вылилось в политические революции.

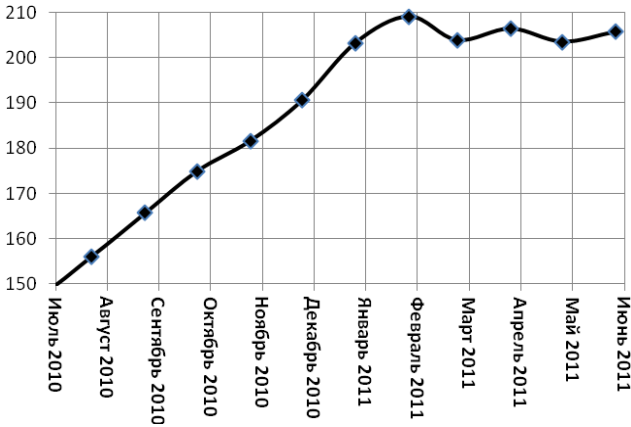

Рис. Динамика мировых цен на продовольствие (общий индекс цен на продовольствие ФАО, 2002–2004 = 100, с учетом инфляции), июль 2010 г. – июнь 2011 г.

Источник: FAO 2011.

Современные технологии, как отмечалось многими, стали важной причиной хорошей организации движений. В самом деле, призывы с помощью мобильных СМС-сообщений или размещения на популярных сайтах стали едва ли не ноу-хау арабских митингов, при этом революционная технология быстро копировалась в соседних странах.

Важнейшей причиной, действие которой невозможно устранить, являлась повышенная доля в населении молодых возрастов (коhort), так называемый «молодежный бугор» (см. подробнее: Гринин, Коротаев, Малков 2010; ряд статей Коротаева и соавторов в книге: Акаев и др. 2010)¹. Сегодня политологи нередко даже говорят о

¹ *Молодежный бугор* – повышенная доля молодежи в общей структуре населения. Возникает в ситуации, когда в результате модернизации, роста производства пищи и медицинской культуры смертность населения, особенно детская, сильно уменьшается, а рождаемость остается на высоком уровне. В итоге через двадцать лет в демографической структуре резко увеличивается доля молодых возрастов (15–24-х лет). Эта повышенная доля молодых коhort на

странах

с молодежной возрастной структурой населения как о «дуге нестабильности», простирающейся от региона Анд в Латинской Америке до районов Африки (особенно южнее Сахары), Ближнего Востока и северных регионов Южной Азии (Мир... 2009: 59). К сожалению, этот прогноз подтверждается.

Но революции в арабских странах можно рассматривать и как продолжающийся выход из ловушек «модернизации», в том числе связанных с завышенным уровнем ожиданий, которые не могли оправдаться (см. подробнее: Гринин 2010; Гринин, Коротаев 2012).

Наконец, можно указать на влияние различных процессов глобализации (помимо глобального кризиса). В частности, наличие арабского и – шире – панисламского радикализма и экстремизма следует отметить не только как одну из особенностей современной исламской идеологии, это и один из показателей роста глобализационных процессов в мире.

Несмотря на множество причин (в том числе не указанных здесь), нельзя не отметить следующее: во-первых, эти причины полностью не объясняют удивительной синхронности таких волнений в разных странах; во-вторых, они стали неожиданностью для абсолютного большинства как аналитиков, так и самих жителей данных стран; в-третьих, уровень обнищания вовсе не был столь высоким (по крайней мере, в Египте оказывалась значительная продовольственная помощь живущим за чертой бедности). По-видимому, налицо революционный эффект влияния на другие страны (особенно похожие по цивилизационным, политическим и социальным параметрам), который иногда проявлялся в истории, начиная с Реформации XVI в. Например, по такому сценарию развивались революции 1848–1849 гг. в Европе, национальные революции в Латинской Америке 1825–1830 гг., освободительные движения в Африке в конце 1950-х – начале 1960-х гг., революции в социали-

диаграммах образует *бугор*. Такое изменение пропорции в условиях модернизации создает условия для социально-политической нестабильности. Данное явление также названо мною *молодежной ловушкой*. Она всегда связана с социально-демографическими факторами и является результатом модернизации (см.: Гринин 2010; Гринин, Коротаев 2012). По словам Дж. Голдстоуна, большинство революций XX в. в развивающихся странах произошли там, где наблюдались особо значительные «молодежные бугры» (Goldstone 1991; 2002: 11–12).

стических странах Европы в 1989–1990 гг. (подробнее см.: Гринин 2012; Гринин, Коротаев 2012). Но, с другой стороны, что более важно для нашей темы, налицо также эффект *начала глобальной реконфигурации мира*. Как уже сказано, такие изменения будут идти в самых разных (и порой неожиданных) формах. При этом также возможны изменения, быстро захватывающие целые «пласты» обществ.

Возможна ли смена лидера в Мир-Системе?

Несмотря на значимость и драматичность событий в арабском мире, которые также способствовали новому витку роста цен на нефть, главные перемены в современном мире все же идут в других плоскостях. Прежде всего сегодня происходит ослабление экономической роли США как центра Мир-Системы и в более широком смысле – ослабление экономической роли развитых государств в целом. Поэтому нет сомнения, что раньше или позже (а в целом относительно скоро) положение США как лидера Мир-Системы изменится и их роль снизится (такого рода прогнозов много, см., например: Бьюкенен 2007; Иноземцев 2008; Гринин 2009б: гл. 5). И этим очень обеспокоены многие в самих США. Сегодняшний кризис станет важным этапом в смысле ослабления позиций нынешнего лидера. В целом прежние приоритеты и основы мирового экономического порядка, опирающиеся на выгодные для США основания, рано или поздно начнут трансформироваться в новый порядок. Такая трансформация и составит в ближайшем будущем коллизии взаимоотношений между национальными интересами США, с одной стороны, и общемировыми интересами – с другой (см. подробнее: Гринин 2009б: гл. 5).

Однако такая коллизия – как бы к ней ни относиться – приведет к исключительно большим изменениям, многие из которых, к сожалению, не учитываются. Обычно предполагается, что место США как лидера займет ЕС, Китай или кто-то еще (от Индии до России). Но это глубокое заблуждение, дело вовсе не обойдется простой сменой лидера. Потеря США статуса лидера приведет к коренному изменению всей структуры мирового экономического и политического порядка, поскольку США сосредоточивают в себе

слишком много *аспектов лидерства: политического, военного, финансового, валютного, экономического, технологического. Уже одно это перечисление лидерских функций показывает, что место в Мир-Системе, подобное положению США, не сможет занять никто, поскольку никто больше не может сосредоточить одновременно столько лидерских функций.* И поэтому (а также и по многим другим причинам) утрата США роли лидера будет означать глубокую, весьма трудную и кризисную трансформацию самой Мир-Системы, даже ближайшие последствия которой во многом неясны. Поэтому крайне необходимо активно исследовать весь спектр вытекающих из этого процесса последствий для мира и для России в частности.

Еще раз подчеркнем, что позиции США как мирового лидера, сложившиеся после Второй мировой войны, являются уникальными в истории. В 1960-х гг. произошло сокращение экономической роли США, что привело к созданию трехцентровой модели экономического лидерства: США – Западная Европа – Япония. Однако важно отметить: эта система сформировалась под политическим и военным (признаваемым и желаемым) лидерством США. Эта структура показала свою жизнеспособность в течение почти четырех десятилетий. Она работает и сегодня, но если не удастся восстановить экономическую динамику западных стран, ее роль будет слабеть (а динамика явно ослабела во всех трех центрах). Вместе с печальной картиной некоторых демографических показателей это даже возрождает идеи смерти Запада (см., например: Бьюкенен 2007). Не исключено, конечно, что появление новых революционных технологий способно дать определенный импульс экономическому развитию США (как было во второй половине 1980-х и в 1990-х гг.), а вместе с тем и Запада в целом; но, во-первых, в ближайшее десятилетие таких технологий как будто не ожидается, а за это время дела в американской экономике, скорее всего, будут развиваться по пути усугубления проблем; во-вторых, для получения большого результата от передовых технологий требуется длительное время, измеряемое самое меньшее 15–20 годами. А за это время многое изменится. В-третьих, даже новые технологии вряд ли могут помочь сохранить военное и политическое лидерство и т. д.

Рассмотрим теперь, почему Китай не может быть реальным претендентом на место, занимаемое США (см. об этом также: Гринин 2011; Grinin 2011). Китай очень быстро и впечатляюще развивается экономически. Однако поддержание таких темпов под очень большим вопросом, хотя бы из-за недостатка сырьевых и энергетических ресурсов. Уже сегодня китайский рост довел мировые цены на сырье и топливо до запредельных уровней, создав с помощью спекулянтов множество «пузырей». Однако главное, на мой взгляд, заключается в том, что Китай не сможет в сколько-нибудь обозримом будущем соединить в себе несколько аспектов лидерства. У него пока недостаточно возможностей даже для того, чтобы стать экономическим лидером. Когда Китай прочат на место нового лидера Мир-Системы, не учитывают, что его экономика не инновационная – она развивается на технологиях не только не завтрашнего, но во многом даже и не сегодняшнего дня (см., например: Михеев 2008: 311, 319; Луконин, Михеев 2010). Хотя в некоторых областях, например биотехнологиях, у Китая есть и некоторые инновационные достижения (Китай также занимает одно из ведущих мест по числу патентов).

Китайская экономика все еще слишком ориентирована на экспорт, хотя в 2011 г. объем импорта вплотную приблизился к объему экспорта. Сегодня, конечно, нет полностью самостоятельных экономик, но все же есть гораздо более самодостаточные, чем китайская, например индийская (Михеев 2008: 387; Мельянцеv 2009: 106), хотя доля экспорта в ВВП Индии неуклонно растет (Володин 2008: 334). Мало того, динамика, мощь и успехи китайской индустрии, как представляется, во многом пока еще основаны на привязке

к другим, богатым экономикам. На наш взгляд, не может существовать экономический центр Мир-Системы, который ориентирован на экспорт *неинновационной* продукции. Кроме того, растет зависимость Китая от импорта продовольствия, сырья и многого другого, причем Китай по целому ряду показателей становится ведущим импортером в мире.

Для выполнения роли центра Мир-Системы китайская экономика должна стать инновационной, высокотехнологичной (отме-

тим, что инновационность сегодня лежит в иных экономических направлениях, чем тяжелая или поточная промышленность). Однако у Китая сегодня для этого нет условий. Требуется не менее 20–25 лет, чтобы выйти на передовые рубежи по инновациям. В некоторых отношениях технологическим лидером скорее могла бы стать Индия, но в Индии нет массы других компонентов лидерства, которые есть в Китае.

Поэтому идея, что через 15–20 лет многие страны будут привлекать скорее китайская модель альтернативного развития, чем западные модели политического и экономического развития (Мир... 2009: 8), вызывает сомнения. Западные модели могут подвергаться критике, а успехи Китая, разумеется, не могут не привлекать внимания. Но маловероятно, чтобы кто-либо попытался ввести такую модель, как в Китае. Дело в том, что в абсолютном большинстве стран ее просто невозможно ввести. Для этого нужно иметь тоталитарную компартию (в той или иной мере ее заимствовали во Вьетнаме, в какой-то степени – в Лаосе [см.: Бельчук 2005: 88], а потенциально может еще скопировать КНДР).

Вопрос о перестройке модели экономики Китая во многом связан со способностью Китая сохранять нынешние высокие темпы роста, а последнее крайне важно для идеологического и иного престижа китайского руководства, хотя оно уже объявило, что планирует снижать темпы роста в 2011–2012 гг. Последнее связано не только с ростом инфляции, угрожающей социальной стабильности, но и с очевидной сложностью поддержания прежних деформирующих общество темпов роста. Дело в том, что *китайская экономика*, несмотря на то, что ее технологический и инновационный уровень повышается, в целом *остается экстенсивной*, основанной на вовлечении в нее чрезмерного количества всевозможных ресурсов и капиталов. При этом *она продолжает быть: а) весьма ресурсозатратной; б) крайне энергозатратной; в) очень грязной в плане экологии; г) слишком ориентированной на экспорт*. Хуже всего то, что если в первые десятилетия реформ инвестиции приносили высокую отдачу, то уже с начала 2000-х гг. отдача от них упала до предельно низких и даже отрицательных значений (см., например: Ху Аньган 2005: 38–39). Таким образом, в важнейшем отношении

китайская модель становится неэффективной, что грозит кризисом и замедлением развития. Аналитики также отмечают переинвестиции и большие излишние мощности в китайской экономике, вызванные напряженным соревнованием между различными провинциями за привлечение инвестиций и высокие темпы развития своих регионов (подробнее мой анализ китайской модели и ее перспектив см.: Гринин 2011; Grinin 2011).

Переход к модели экономики, более ориентированной на внутреннее потребление и более инновационной, затруднен, как думается, следующими моментами: а) рост внутреннего потребления означает рост уровня жизни и стоимости китайской рабочей силы, которая и без того растет; б) скорее всего, рост стоимости рабочей силы в будущем не компенсируется соответствующим ростом производительности труда, как это происходило ранее; в) следовательно, стоимость экспортных товаров может вырасти, их конкурентоспособность – упасть, а привлекательность инвестиций в Китае – снизиться. Отсюда также может произойти замедление темпов роста. Таким образом, переход к новому типу экономики в Китае при одновременном сохранении его лидерства в темпах экономического роста вряд ли возможен. Хотя внутренний спрос и будет развиваться, но либо он не сможет в достаточной степени занять место экспортного спроса, либо это будет означать глубочайшую структурную перестройку экономики. Инвестиции в инфраструктуру, строительство жилья и прочее могут быть локомотивом развития, но только если будут достаточные ресурсы от экспорта; сочетать сразу два направления сложно. Сила развивающего импульса в Китае еще очень велика, инерция очень сильна, но достаточно очевидно, что все это, скорее всего, будет ослабевать. Можно предположить, что в течение ближайших пяти-семи лет темпы роста китайской экономики существенно снизятся. А в дальнейшем может начаться то, что было в Японии после 1975 г.

Мне представляется, что перевыполнения планов по темпам роста, даже несмотря на все возможные усилия китайских властей, не произойдет и среднегодовых двузначных темпов роста в Китае больше не будет. Иными словами, *наиболее вероятным видится сценарий, по которому так или иначе (добровольно или волей об-*

стоятельств) в течение ближайших пяти лет произойдет заметное замедление темпов роста до 6–7 %. Далее, то есть после 2016 г., темпы роста еще несколько снизятся – примерно до 5–6 %. И это при благоприятном развитии. Вовсе не исключено, что Китай столкнется и с более серьезными трудностями, особенно если экономическая ситуация в развитых странах будет плохой и в мире упадет спрос на китайские товары (Европа и Америка – главные их потребители).

Сокращение темпов роста означает сокращение доходов государства при усилении проблемы безработицы и роста его социальных обязательств. Одновременно с этим будут расти опережающими темпами представления о стандартах жизни по крайней мере у большей части китайского населения, что увеличивает необоснованные претензии к государству и снижает конкурентоспособность китайской экономики. Надо также учитывать, что в Китае относительно скоро начнется заметное старение населения.

Альтернативы

Таким образом, будущая Мир-Система уже не сможет иметь такую же, как сегодня, структуру со столь же сильным центром. Что же может быть альтернативой сегодняшнему «порядку» в мире? Здесь мы ступаем на зыбкую и неблагодарную почву прогнозов (см. также: Гринин 2009в; Grinin, Korotayev 2010a; 2010b; Гринин, Коротаев 2012).

Рассмотрим будущую структуру, исходя из следующего вполне правдоподобного, но все же гипотетичного предположения. Объективно глобализация ведет к тому, что должны появиться какие-то новые формы политических и экономических образований надгосударственного типа. ЕС представляет лишь один вариант такого типа, другие типы и формы сейчас еще только наметились или намечаются. Но они могут сложиться довольно быстро при благоприятных обстоятельствах. Крупнейшие государства (США, Китай, Индия) достаточно долгое время могут соперничать с такими надгосударственными образованиями, но все же будущее, по-видимому, не за отдельными государствами, а за наднациональными объединениями.

Исходя из данной гипотезы, новым лидером Мир-Системы, если он вообще появится, вряд ли будет отдельное государство, скорее, им мог бы стать только блок государств (к тому же потенциально растущий). Очевидно, что ни Китай, ни Индия не сумеют объединить вокруг себя какую-то релевантную группу стран по своим политическим, а Индия – и по цивилизационным особенностям. Чтобы стать таким интегрирующим центром, Китай должен изменить свой политический режим, что является маловероятным.

Более органичная интеграция американского региона под эгидой США могла бы теоретически возродить роль последних как мирового центра. Но расклад политических сил в Латинской Америке слишком неустойчивый, а уровень развития государств резко отличается. К тому же игра на противостоянии Штатам оказывается большим искусом для целого ряда режимов. Союз с Мексикой и Канадой (НАФТА) не сможет выполнить такой роли, которая могла бы решить указанную выше задачу, хотя и обеспечивает Канаде и Мексике более 85 % всего экспорта.

Из всех вариантов возникновения такого лидирующего гипотетического союза европейский вариант имеет наибольшую, пусть в целом также небольшую, вероятность. Конечно, расширение Европы сталкивается с естественными географическими ограничениями, а экономический и политический кризис в Греции, Португалии и других странах южного фланга Еврзоны последних лет обнажил многие слабые места Евросоюза. Но раньше или позже эти проблемы, по-видимому, будут преодолены. Далее не исключено, что когда-нибудь станет реальным и план вступления в ЕС Турции с ее более чем 70-миллионным населением. Это сделало бы Европу уже сверхъевропейским союзом (стоит учитывать и развитие связей ЕС с неевропейскими средиземноморскими странами). А если бы Европе удалось интегрироваться с Россией, Украиной, Белоруссией, что было бы весьма выгодно и для этих славянских государств, это могло бы дать определенный импульс для перестройки мир-системных отношений и даже сформировать какой-то сильный центр.

Тем не менее все перечисленные варианты маловероятны. А значит, наиболее реальной альтернативой роли США пока оста-

ются только... сами США. Поэтому в ближайшие одно-два десятилетия они останутся наиболее реальным лидером, если, конечно, американцы сами не подорвут свои позиции (резким поворотом внешнеполитического курса, сильной девальвацией доллара, дефолтом или экономическим обвалом). В отсутствие в настоящий момент явного лидера в противовес США мир вынужден способствовать сохранению Соединенных Штатов как безальтернативного, пусть и дряхлеющего, центра, поскольку всякое ослабление их позиции может привести во многом к неуправляемой трансформации Мир-Системы. Возникает своего рода «цикл дисбалансов» (Мир... 2009: 42), поддерживающих друг друга. С одной стороны, это на руку США, но с другой – отсутствие жесткой конкуренции за лидерство сильно ослабляет их возможности к обновлению. Есть мнение, что хотя спрос на лидерство США все еще останется высоким, заинтересованность и готовность последних играть лидирующую роль могут снизиться, поскольку американские избиратели пересмотрят свое отношение к экономическим, военным и иным издержкам американского лидерства (Мир... 2009: 171). Просто так уйти от своих сверхдержавных обязательств США вряд ли, конечно, смогут, однако сильные колебания во внешнеполитической линии от гегемонизма в сторону изоляционизма вполне вероятны. В результате на какое-то время внешнеполитическая активность Соединенных Штатов может снизиться.

В условиях неопределенности число вероятных сценариев может быть велико. Так, в докладе Национального разведывательного совета США – структуры, близкой к американской разведке (доклад опубликован в виде книги, см.: Там же), – рассматриваются четыре гипотетических варианта: «Мир без Запада», когда новые силы вытесняют Запад с лидирующих позиций в геополитике; «Октябрьский сюрприз» – экологическая катастрофа; «Разрушение БРИК» – конфликт между Индией и Китаем из-за доступа к жизненно важным ресурсам; «Политика не всегда локальна», когда различные негосударственные структуры объединяются, чтобы разработать международную программу по вопросам окружающей среды и избрать Генсека ООН. Все они, хотя и опираются на опре-

деленные тенденции современности, выглядят недостаточно реальными, что, впрочем, признают и сами авторы (Там же: 29).

При большом спектре вариантов будущего рассмотреть все вариации оказывается довольно затруднительным. Поэтому лучше избрать какие-то основные параметры анализа гипотез. Возьмем такой важный, на наш взгляд, параметр будущего развития, как *степень внезапности и остроты* геополитических и геоэкономических изменений. Очевидно, что когда процесс идет постепенно, к нему привыкают, на него пытаются воздействовать и система хоть как-то успевает трансформироваться. Когда изменения происходят внезапно, на какой-то период возникают вакуум системности и порядка, хаос, возведение наспех временных и потому далеко не всегда удачных конструкций. Рассмотрим два таких гипотетических варианта: постепенных и внезапных изменений (хотя, скорее всего, процесс будет неровным: медленные неуправляемые изменения будут сменяться какими-то крупными, но не фатальными, обвалами и кризисами).

В первом случае ослабление мощи США будет идти не резко, а постепенно. В этой ситуации Соединенные Штаты, пытаясь сохранить свое лидирующее положение, с одной стороны, будут вынуждены маневрировать, вступать в коалиции, уступать в тех или иных вопросах, принимать какие-то общемировые идеи, чтобы не потерять лидерство и сохранить приемлемый геополитический баланс, а с другой – США могут попробовать институционализировать ситуацию своего лидерства, чтобы в каких-то общепринятых международных и межгосударственных договоренностях или системах взаимодействия (организациях, консультациях, иных формах) попытаться закрепить свое положение первых среди равных, но в то же время не настаивать на абсолютной или даже явной гегемонии, существующей сегодня. Разумеется, тут требуется большое искусство. Этот процесс пошел бы удачнее, если бы США удалось, как рекомендовал З. Бжезинский, объединиться в важных направлениях с Европой и Японией (Бжезинский 2005). На мой взгляд, в интересах развитых стран объединяться по максимальному числу проблем. Запад – в условиях низких темпов роста в развитых странах – объективно заинтересован в создании

такого порядка, который бы оформил некоторые его преимущества институционально (и в известной мере это было бы полезно для всей Мир-Системы). Это был бы, условно говоря, сценарий «планируемой перестройки».

Второй вариант возникает, если изменение позиции США произойдет резко, например в результате внезапного обвала доллара и особенно вследствие дефолта Америки (допустим, при неожиданном изменении ситуации в мировой экономике вследствие еще более сильного, чем осенью 2008 г., кризиса).

В этом случае общественное мнение США вполне может качнуться в сторону сворачивания их мировых функций, что дополнительно усилит вакуум международного управления. В такой ситуации возможны анархия (менее вероятный сценарий) или собирание («сколачивание») наспех какой-то системы, способной поддержать заваливающийся мировой порядок, для решения сиюминутных дел, какие-то паллиативные решения и договоренности, которые далее в целом могут оказаться перспективными.

Однако из всех гипотетических вариантов мне представляются самыми вероятными два альтернативных. Первый – естественно, более предпочтительный – расширение «клуба» ведущих мировых игроков до такого их числа, которое позволит как-то влиять на ход мирового развития (о нем будет сказано дальше). Второй вариант – спонтанного неуправляемого развития, когда главные игроки будут в основном озабочены внутренними проблемами, политики – рейтингом популярности, а общемировые проблемы будут решаться не полностью, а в какой-то мере. Японское общество является хорошим примером такой самоизоляции (хотя и там уже проявляются определенные тенденции к интеграции, в частности с Китаем и Южной Кореей), ЕС также слишком часто демонстрирует замкнутость на собственных интересах. Для западных стран существует также опасность стать заложниками демократической системы, которая не позволяет политикам предпринимать серьезных шагов в заботе о будущем (в погоне за популярностью они вынуждены думать лишь о сиюминутном интересе). В этом случае только внезапные встряски вроде современного кризиса могут пробудить западных политиков и западные общества от спяч-

ки; полезными оказываются и всплески национально-цивилизационной и гегемонистской гордости.

Усилятся ли дефицит глобального управления и фрагментированности мира?

Очевидно, что экономическая и финансовая глобализация намного опережает развитие международного права и политическую глобализацию (см. подробнее: Гринин 2009а; 2009б; 2012; Гринин, Коротаев 2012). Усилятся ли такое отставание политической составляющей Мир-Системы от экономической в ближайшие десятилетия? Ответ на этот вопрос во многом зависит от того, каким может быть экономическое развитие в ближайшем будущем. Многие экономисты и обществоведы, приводя разные аргументы, считают, что в ближайшие 15–20 лет экономическое развитие мира, скорее всего, будет идти более медленными темпами, чем в предшествующий период. Мы придерживаемся подобного же мнения (Гринин, Коротаев 2010; 2012; Гринин, Коротаев, Цирель 2011). Но если этот прогноз оправдается, не сумеет ли политическая составляющая Мир-Системы за это время несколько подтянуться? К тому же ослабление лидерской позиции США должно привести к тому, что международная система начнет трансформироваться быстрее и значительнее. Иными словами, начинается период поиска новых структурных и системных решений в рамках Мир-Системы. Ведь, как уже сказано, выработка и упрочение модели нового политического порядка в рамках Мир-Системы будут трудным, длительным, а также относительно конфликтным процессом.

Так или иначе, дефицит глобального управления имеет место, и в ближайшие десятилетия он явно не исчезнет. Можно предположить, что он станет идеологически более осмысленным, а проекты устранения этого дефицита обретут уже какие-то относительно зримые очертания. Но глобальное управление требует больших усилий и существенных жертв. До какой степени государства и негосударственные субъекты пожелают или смогут вынести возрастающее бремя глобального управления? Отказ разделить это бремя усугубит ситуацию «растущей институциональной нехватки» (Мир... 2009: 13, 20). Похоже, стран, которые рискнут в одиночку

взять на себя какое-то бремя международного регулирования, окажется мало, так же как сегодня немногие государства берут на себя обязательства делать крупные взносы в международные организации, включая ООН. Вот почему какое-то время многие страны будут по-прежнему заинтересованы в лидерстве США, хотя, как сказано выше, последним в определенных условиях оно может стать неинтересным или уже непосильным. Тем же отдельным крупным державам, которые оспаривают лидерство США, глобальное регулирование также, скорее всего, будет не под силу.

В такой ситуации могут выявиться наиболее важные сферы, а также отдельные важные области, принимать участие в регулировании которых будет выгодно; делать это придется в рамках международных обязательств, что должно усилить тенденцию к коллективным действиям всякого рода, формированию объединений, развитию разных видов сотрудничества, а также сориентировать глобальное управление в сторону широкого использования новых технологий.

Американские аналитики считают, что: а) в ближайшее время политикам и общественности придется справляться с растущим спросом на многостороннее сотрудничество; б) нынешние тенденции ведут к возникновению в следующие 15–20 лет фрагментированного и полного противоречий мира; в) многополярность и бесструктурность – основные черты будущей системы (Мир... 2009: 8, 25–26, 180).

Что касается спроса на многостороннее сотрудничество, то он и сегодня уже высок, а завтра вырастет еще больше. Но представляется, что такой рост, во-первых, дает шанс ряду региональных держав и союзов усилить свои позиции, во-вторых, будет способствовать ускоренному образованию самых разнообразных форматов многостороннего сотрудничества. Стоит заметить, что *в идеале новый международный порядок сложился бы наиболее удачно при формировании, с одной стороны, достаточного количества различных по типу и по уровню охвата наднациональных союзов, коалиций, координационных центров, многосторонних договоренностей и влиятельных негосударственных организаций и сетевых систем, а с другой – при наличии хоть как-то признанного де-*

факто (а еще лучшие – де-юре) институционализированного ведущего центра Мир-Системы.

Многополярность (хотя в это понятие вкладывается слишком разный смысл) стала геополитическим лозунгом ряда держав, и она как будто складывается. Формируются новые центры силы (в первую очередь экономической, но также и военно-политической), в связи с этим намечаются новые конфигурации в рамках Мир-Системы. Но в любом случае многополярность в условиях мирного сосуществования в принципе означает тот или иной мировой порядок, поэтому многополярность и бесструктурность – понятия противоположные.

Усиление же фрагментированности означало бы распад (хотя бы и временный) Мир-Системы. Это представляется маловероятным, слишком уж привыкли к определенным реалиям некоего квазиединства. Ведь даже кризис не привел к расколу, а в определенной мере сплотил мир. Кажется также, что формируется некое глобальное сознание.

Эпоха новых коалиций и трансформация суверенитета

Необходимость подтянуть политическую составляющую Мир-Системы, усилить глобальное регулирование финансовых и иных агентов углубляет процесс трансформации суверенитета, поскольку государства должны в чем-то добровольно ограничить себя, а в чем-то – взять на себя дополнительные функции (о трансформации суверенитета см. подробнее: Гринин 2005; 2008а; 2008б). Мировой кризис более ясно обозначил пределы суверенитета, показал, что даже США не могут более действовать без реальной поддержки других стран.

«К 2025 году не останется единого “международного сообщества”, состоящего из национальных государств. Власть в большей степени рассредоточится между новыми игроками, приходящими со своими правилами игры, а также увеличится риск того, что западные альянсы ослабеют» (Мир... 2009: 8). Действительно, скорее всего, реальный состав международного сообщества в ближайшие десятилетия будет более сложным, поскольку в него добавятся какие-то наднациональные союзы, официальные или неофициальные совещания лидеров стран и союзов, временные или постоянные коалиции, возможно, и негосударственные организации.

Однако трансформация суверенитета на фоне создания нового мирового порядка вовсе не однонаправленный и однолинейный процесс. Во-первых, национальное государство еще долго будет ведущим игроком на мировой арене, поскольку в обозримом будущем многие вопросы способно будет реально решать только оно. Во-вторых, в чем-то суверенность может усиливаться. Поэтому вполне вероятно, что самое ближайшее будущее может показать определенный «ренессанс» роли государства в рамках общества и его активности на мировой арене. Поворот к этатизму вполне может быть и достаточно длительным, и в определенной мере полезным.

Но такой возврат к повышению роли государства уже не может осуществиться на прежних началах, когда выгода государства воспринималась в международных отношениях как высшее основание для его деятельности на международной арене. Я полагаю, что возврат роли государства не может быть успешным без значительного изменения его внешнеполитической идеологии. Иными словами, можно предположить, что как в самой концепции внешней политики, так и в ее практическом осуществлении принципы откровенного преследования эгоистических интересов государств будут занимать уже существенно меньшее место, чем сегодня. Дело, разумеется, не в том, что национальный эгоизм исчезнет (он сохранится очень долго, если вообще когда-нибудь пропадет). Просто он начнет сильнее, чем это делается сегодня, камуфлироваться наднациональными интересами и нуждами. Точнее говоря, всякая международная акция может требовать помимо реального интереса также

и определенного идеологического обоснования. Рассмотрение мировой арены как «великой шахматной доски» (Бжезинский 1999), где выигрывает сильнейший, а мелкие фигуры могут размениваться и приноситься в жертву, возможно, уже не будет востребованным. Мировая арена скорее будет рассматриваться как общее поле интересов, в котором надо устанавливать выгодные для всех правила игры и как-то их поддерживать. Поэтому есть ощущение, что – конечно, не вдруг, но постепенно – во внешней политике начнут усиливаться лозунги общего (регионального, мирового, группового) блага, хотя за формулировкой «кто лучше представляет миро-

вые интересы» могут скрываться, как всегда, эгоистические цели. Но данная трансформация так или иначе приведет к довольно существенным изменениям, причем во многом положительным. Во всяком случае, страны, которые будут продолжать грубо отстаивать национальный эгоистический интерес, в конечном счете проиграют. Неизбежными будут радикальные изменения также в политике наиболее крупных государств, направленной на то, чтобы прямо и грубо доминировать в мировом или региональном масштабе (включая и наиболее независимого и эгоистичного суверена – США).

В этом случае характер отстаивания национальных интересов, причины соперничества на международной арене, формы конфликтов и тяжб постепенно начнут приобретать уже иной, чем в прошлом и настоящем, вид. Конкуренция заметнее пойдет за то, кто станет направлять процесс складывания нового мирового порядка. Тем силам, которые будут претендовать на лидерство в мире, придется действовать под лозунгами более справедливого мирового устройства и т. п. А в проведении такого рода политики, естественно, необходимы союзники и блокировки. Поэтому неизбежно начнется перегруппировка сил на мировой и региональных аренах.

В борьбе за почетное место в глобализации и коалициях, в организации и функционировании нового мирового порядка наступает то, что мы назвали *эпохой новых коалиций* (Гринин 2009а; Grinin, Kogutayev 2010b). В результате могут быть обозначены контуры новой расстановки сил на какой-то срок. Для России, конечно, очень важно учитывать это во внешней политике.

Вполне вероятно, что на какое-то время подвижность партнерств в рамках Мир-Системы усилится, возникающие коалиции порой могут оказаться химерическими, эфемерными или фантастическими.

В подтверждение сказанного о совершенно неожиданных союзах и блоках можно привести форум стран БРИК. Эта аббревиатура появилась, как известно, в записке аналитика *Голдман Сакс* Джима О'Нейла в 2001 г. для удобства анализа. Но неожиданно умозрительные конструкции ожили, и в 2009 г. прошел первый форум

стран БРИК на уровне руководителей стран в Екатеринбурге (Россия), а затем в Бразилии в 2010 г. Потом был приглашен пятый участник – ЮАР, и БРИК превратился в БРИКС. В апреле 2011 г. прошел первый форум БРИКС на высшем уровне в Китае на острове Хайнань. Можно согласиться с Федором Лукьяновым, главным редактором журнала «Россия в глобальной политике», что «этим странам выгодно подчеркивать свой особый статус в мировой системе. Пока для каждой из них это просто престижно», «но со временем объединение будет становиться все более перспективным» (см.: Сурначева, Артемьев 2011). Насколько перспективным, конечно, сложно предсказать, но главное, что современные союзы могут возникать случайно и на совершенно неожиданных основаниях. Земной шар становится достаточно тесным, чтобы можно было дружить и сотрудничать, находясь не только рядом. Вот почему возникают самые разные геополитические фантазии, и некоторым из них, вполне возможно, суждено ожить, как произошло с БРИК. Одной из неожиданных геополитических фантастических комбинаций стало появление Chinindia или Chindia как возможного в каких-либо аспектах объединения (по этому поводу немало всякого рода спекуляций)².

В процессе поиска наиболее устойчивых, выгодных и адекватных организационных наднациональных форм могут возникать различные и даже быстро меняющиеся промежуточные формы, когда игроки на мировой и региональных политических аренах будут искать наиболее выгодные и удобные блоки и соглашения. Например, если в принятии решений (и распределении квот) будут учитываться численность населения и другие параметры, страны и участники смогут составлять друг с другом блоки, исходя из относительных преимуществ каждого, для принятия выгодного им решения (подобно политическим партиям). Но в конце концов постепенно некоторые из новых союзов и объединений могут стать из временных постоянными, фиксированными и принять особые наднациональные формы. В

² См., например: “Chinindia: More Challenges and More Opportunities” (Kumar 2011a); “The CHINDIANS – Reshaping the Future of the Global Economy” (Idem 2011b); “Chindia” (Wikipedia); “Will ‘Chindia’ Rule the World in 2050, or America after all?” (Evans-Pritchard 2011).

этом же процессе начнут вырабатываться некоторые новые нормы мирового права, о необходимости которых говорят уже в течение нескольких десятилетий (см., например: Тинберген 1980).

Для более успешного протекания процессов консолидации крайне нужен координационный центр. Если бы удалось создать какой-либо коллективный координационный центр (с ограниченными правами), сосуществование иных функциональных центров могло бы быть более возможным и системным, взаимодействующим. То, что потенции для движения в сторону такого центра есть, подтверждают, в частности, встречи на высшем уровне, связанные с современным глобальным кризисом. Направленность к подобного рода наднациональным формам регулирования становится очевидной, хотя станет ли именно G-20 постоянным органом – неясно, поскольку двадцать, возможно, слишком большое число. Но, как сказано выше, вполне возможен иной вариант расширения числа ведущих игроков. Доведение числа членов «клуба G» хотя бы до 11, то есть «Семерка» плюс страны БРИК, уже могло бы сделать этот орган более влиятельным, чем сегодня. Но встреч президентов раз в год или реже, или даже встреч министров мало. Такие встречи пока носят скорее ритуальный, чем практический характер. Чтобы сделать такой «клуб» не просто влиятельным, а реальным мировым органом хотя бы де-факто, необходимо организовывать форматы переговоров, консультаций, частных договоренностей и пр. на самых разных уровнях и в самых разных комбинациях.

Будущая эпоха, по-видимому, будет эпохой не только новых коалиций, но и новых глобальных институтов, а также – на это пока мало обращают внимание – новых международных технологий многостороннего сотрудничества (в том числе дипломатического, экспертного, социологического, культурного), от которых может зависеть многое. Например, формат международных конгрессов и многосторонних соглашений, возникший после наполеоновских войн и достигший апогея в XX в., вероятно, будет потеснен другими форматами, не исключено, что и связанными с современными коммуникациями. Какая-нибудь постоянная комиссия, работающая не за столом переговоров, а через видеоконференции, может стать

удобным и достаточно дешевым органом, чтобы постоянно работать над какими-либо проблемами.

Устойчивость новых геополитических и геоэкономических форм будет зависеть от множества причин, но исторический опыт показывает, что наиболее прочными становятся те, в которых помимо конкретных преимуществ и объективной потребности имеются и некие неполитические основы для объединения (географические, культурные, экономические, идеологические и др.). В этой связи для России очень важно понять те плюсы, которые дает ей геополитическое и геокультурное положение, чтобы получить максимальные преимущества в этом сложном процессе или, по крайней мере, чтобы не оказаться на его обочине.

Глобализация по мере своего развития способствует восприятию как базовых более крупных, чем отдельные государства, экономических и политических единиц. Поэтому аналитики, особенно экономисты, все чаще оперируют региональными единицами (ЮВА или даже Азией, АТР, Европой и т. п.). И хотя страны, входящие в те или иные регионы и блоки, очень разные, такое укрупненное восприятие является объективно оправданным и полезным. Арабская весна, демонстрируя различные ситуации в разных странах (см., например: Гарднер 2011), в то же время показывает, что современный мир начинает круто меняться под влиянием глобальных процессов. При этом можно предположить, что особо сильные изменения будут происходить в периферийных странах.

Это связано с двумя прямо противоположными векторами развития, являющимися в принципе единым процессом. Мы назвали этот процесс реконfigurацией. Основные векторы этой реконfigurации – ослабление прежнего центра Мир-Системы (США и Запада) и одновременное усиление позиций ряда периферийных стран, а также в целом увеличение роли развивающихся стран в мировой экономике и политике. В разных странах, случаях и регионах процесс реконfigurации может проявляться по-разному и часто непредсказуемо.

Таким образом, через 15–20 лет мир будет и похожим, и уже существенно не похожим на сегодняшний. Мир ждут глобальные перемены, но далеко не во всем они обретут ясные формы. Напро-

тив, новое содержание еще может продолжать скрываться за старыми отживающими свой век оболочками (примерно так, как складывающееся централизованное государство в конце Средних веков еще не было вполне ясно видно за традиционными отношениями между короной, крупными сеньорами и городами). Иными словами, это будут перемены, которые во многом подготовят мир к переходу в новую стадию глобализации (хорошо, если ее можно будет назвать устойчивой глобализацией), контуры которой еще далеко не ясны.

Государства будут продолжать играть очень важную роль в формировании нового мирового порядка, но все заметнее станет роль новых союзов и коалиций, надгосударственных объединений всех форматов и форм и даже негосударственных объединений и сетей.

Литература

Акаев, А. А., Коротаев, А. В., Малинецкий, Г. Г., Малков, С. Ю. (ред.) 2010. *Проекты и риски будущего. Концепции, модели, инструменты, прогнозы*. М.: ЛИБРОКОМ.

Бельчук, А. 2005. Вновь об оценке реформ в Китае. *Мировая экономика и международные отношения* 4: 86–93.

Бжезинский, З.

1999. *Великая шахматная доска*. М.: Международные отношения.

2005. *Выбор. Мировое господство или глобальное лидерство*. М.: Международные отношения.

Бьюкенен, П. Дж. 2007. *Смерть Запада*. М.: АСТ.

Володин, А. Г. 2008. Индия. В: Дынкин, А. А. (ред.), *Мировая экономика: прогноз до 2020*. М.: Магистр.

Гарднер, Ф. 2011. «Арабская весна»: настоящее и будущее. *BBC. Русская служба*. URL: http://www.bbc.co.uk/russian/international/2011/07/110711_arab_spring_gardner_analysis.shtml

Гринин, Л. Е.

2005. Глобализация и национальный суверенитет. *История и современность* 1: 6–31.

2008а. Глобализация и модели трансформации суверенности в западных и незападных странах. В: Кульпин, Э. С. (ред.), *Человек и природа: «Вызов и ответ»* (с. 56–88). М.: ИАЦ-Энергия.

2008б. Национальный суверенитет и процессы глобализации (вводные замечания). *Полис* 1: 123–133.

2009а. Государство в прошлом и будущем. *Вестник РАН* 9: 823–830.

2009б. *Государство и исторический процесс. Политический срез исторического процесса*. 2-е изд. М.: ЛИБРОКОМ.

2009в. Приведет ли глобальный кризис к глобальным изменениям? *Век глобализации* 2: 117–140.

2010. Из мальтузианской ловушки в ловушку модернизации. К прогнозированию динамики политической нестабильности в странах мир-системной периферии. В: Акаев, А. А., Коротаев, А. В., Малинецкий, Г. Г., Малков, С. Ю. (отв. ред.), *Проекты и риски будущего. Концепции, модели, инструменты, прогнозы* (с. 337–356). М.: ЛИБРОКОМ.

2011. Сценарии китайского будущего: не возобладают ли факторы торможения? *Общество и экономика* 8–9: 256–276.

2012. Арабская весна и реконфигурация Мир-Системы. В: Коротаев, А. В., Зинькина, Ю. В., Ходунов, А. С. (ред.), *Системный мониторинг глобальных и региональных рисков* (с. 188–223). М.: ЛИБРОКОМ/URSS.

Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В.

2010. *Глобальный кризис в ретроспективе: Краткая история подъемов и кризисов: от Ликурга до Алана Гринспена*. М.: ЛИБРОКОМ.

2012. *Циклы, кризисы, ловушки современной Мир-Системы. Исследование кондратьевских, жюгляровских и вековых циклов, глобальных кризисов, мальтузианских и постмальтузианских ловушек*. М.: ЛКИ.

Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В., Малков, С. Ю. 2010. История, Математика и некоторые итоги дискуссии о причинах Русской революции. В: Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В., Малков, С. Ю. (ред.), *О причинах Русской революции* (с. 368–427). М.: ЛКИ/URSS.

Гринин, Л. Е., Коротаев, А. В., Цирель, С. В. 2011. *Циклы развития современной Мир-Системы*. М.: ЛИБРОКОМ.

Иноземцев, В. Л. 2008. «Постамериканский мир»: мечта дилетантов и непростая реальность. *Мировая экономика и международные отношения* 3: 3–15.

Кудрин, А. 2009. Мировой финансовый кризис и его влияние на Россию. *Вопросы экономики* 1: 9–10.

Луконин, С. А., Михеев, В. В. 2010. Китай и глобальный кризис. В: Амиров, В. Б., Канаев, Е. А., Михеев, В. В. (ред.), *Тихоокеанская Азия: экономические и политические последствия глобального финансового кризиса* (с. 6–19). М.: ИМЭМО РАН.

Мир после кризиса. Глобальные тенденции – 2025: меняющийся мир. Доклад Национального разведывательного совета США. М.: Европа, 2009.

Михеев, В. В. 2008. Китай. В: Дынкин, А. А. (ред.), *Мировая экономика: прогноз до 2020*. М.: Магистр.

Мельянцева, В. А. 2009. *Развитые и развивающиеся страны в эпоху перемен*. М.: ИД «Ключ-С».

Сурначева, Е., Артемьев, А. 2011. БРИКС избегает насилия. На китайском острове Хайнань завершился первый саммит БРИКС. URL: http://www.gazeta.ru/politics/2011/04/13_a_3583621.shtml

Тинберген, Я. 1980. *Пересмотр международного порядка*. М.: Прогресс.

Ху Аньган. 2005. Чем объясняются высокие темпы развития китайской экономики? *Проблемы Дальнего Востока* 1: 34–42.

Evans-Pritchard, A. 2011. Will “Chindia” rule the world in 2050, or America after all? *The Telegraph* 28.02. URL: http://www.telegraph.co.uk/finance/comment/ambroseevans_pritchard/8350548/Will-Chindia-rule-the-world-in-2050-or-America-after-all.html

FAO (Food and Agriculture Organization of the United Nation). 2011. *Monthly Real Food Price Indices*. URL: http://typo3.fao.org/fileadmin/templates/worldfood/Reports_and_docs/Food_price_indices_data_deflated.xls

Goldstone, J.

1991. *Revolution and Rebellion in the Early Modern World*. Berkeley, CA: University of California Press.

2002. Population and Security: How Demographic Change Can Lead to Violent Conflict. *Journal of International Affairs* 56(1): 3–22.

Grinin, L. E. 2011. The Chinese Joker in the World Pack. *Journal of Globalization Studies* 2(2): 7–24.

Grinin, L. E., Korotayev, A. V.

2010a. Will the Global Crisis Lead to Global Transformations? 1. The Global Financial System: Pros and Cons. *Journal of Globalization Studies* 1(2): 70–89.

2010b. Will the Global Crisis Lead to Global Transformations? 2. The Coming Epoch of New Coalitions. *Journal of Globalization Studies* 1(2): 166–183.

Kumar, S.

2011a. *Chinindia: More Challenges and More Opportunities*. URL: <http://www.afribiz.info/content/chinindia-more-challenges-and-more-opportunities>

2011b. The CHINDIANS – Reshaping the future of the global economy. *Sonykumar's Blog* 22.04. URL: <http://sonykumar.com/2011/04/22/the-chindians-%E2%80%93-reshaping-the-future-of-the-global-economy>